

6. Просить академии наук союзных республик и филиалы АН СССР предусмотреть в планах 1953 г. подготовительные работы по этим темам, а в планах 1954—1955 гг. — написание работ. Установить срок представления статей для сборников — май 1955 г. Считать необходимым осенью 1955 г. созыв совещания для обсуждения обоих сборников.

7. В целях повышения теоретического и идейно-политического уровня выполняемых различными этнографическими учреждениями монографий по культуре и быту колхозного крестьянства совещание считает необходимым:

1) обмениваться проспектами этих монографий с целью учета опыта и взаимного обсуждения;

2) просить Институт этнографии АН СССР организовать в течение 1953 г. обсуждение монографий по культуре и быту колхозного крестьянства Белорусской, Таджикской, Узбекской ССР.

8. Совещание считает необходимым шире развернуть работу по этнографическому изучению рабочего класса. В целях обмена опытом работы по этой теме просить Институт этнографии АН СССР созвать осенью 1953 г. совещание этнографов, занимающихся изучением культуры и быта рабочего класса.

9. Просить академии наук Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик обеспечить представление не позднее октября 1953 г. статей для тома «Народы Кавказа» серии «Народы мира».

10. Просить этнографические учреждения академий наук Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской республик не позднее декабря 1953 г. обсудить подготовленные статьи для тома «Народы Европейской части СССР» серии «Народы мира».

11. Считать необходимым созыв в марте 1953 г. в Дагестане объединенного совещания Дагестанской экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР для обсуждения плана совместной работы по исследованию процессов национальной консолидации народов Дагестана.

12. Просить Академию наук Армянской ССР созвать весной 1953 г. очередное кавказское этнографическое совещание.

13. Совещание выражает уверенность, что советские этнографы, руководствуясь историческими решениями XIX съезда партии и работой И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», с успехом справятся с новыми задачами и внесут свой вклад в дело строительства коммунизма.

О РАБОТЕ КОМПЛЕКСНОЙ БАЛТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1952 ГОДУ

Летом 1952 г. начала свою работу комплексная Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция, организованная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР совместно с Институтом истории и права и Историко-этнографическим музеем Академии наук Литовской ССР, Институтом истории Академии наук Эстонской ССР и Народным музеем, Институтом этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР и Музеем народного быта, а также отделом охраны памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров этой республики. В задачи экспедиции входит всестороннее антропологическое и этнографическое исследование народов Советской Прибалтики с целью выяснения их происхождения, этнической истории и культурных взаимоотношений с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами. Одной из главных задач экспедиции является изучение процессов социалистического переустройства хозяйства, быта и культуры литовского, латышского и эстонского крестьянства.

Деятельность экспедиции рассчитана на несколько лет. В 1955 г. должны быть подготовлены к печати «Труды» экспедиции.

В 1952 г. в работе экспедиции участвовало 50 человек, в том числе аспиранты Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР и студенты филологического и инженерно-строительного факультетов Латвийского университета. Выбор районов для этнографических обследований 1952 г. определялся указанными выше задачами Балтийской экспедиции. Литовский и латышский этнографические отряды работали на смежных территориях: в Литве — в Рокишском, Пандельском и Обяльском районах Шяуляйской области, в Латвии — в Неретском и Акнистском районах Даугавпилсской области. Маршрут работы трех групп эстонского отряда охватывал территорию вдоль границы с Латвийской ССР и с РСФСР, а именно: Вастселинаский район Тартусской области и Йыхвиский район Таллинской области, а также Печерский и Качановский районы Псковской области РСФСР.

Антропологическое обследование проводилось во всех трех Прибалтийских республиках, в Печерском районе Псковской области РСФСР и в Сморгонском районе Молодечненской области Белорусской ССР. Антропологами изучено 19 групп, различных по национальному составу (всего около 2000 человек)¹.

¹ В журнале «Советская этнография» будет опубликован в дальнейшем специальный отчет о работе антропологического отряда Балтийской экспедиции.

Началу полевых исследований предшествовала большая научно-организационная работа. Институтом этнографии АН СССР был составлен и согласован с республиканскими научными учреждениями план работы экспедиции, разработаны методические инструкции по сбору материалов. В мае 1952 г. научные сотрудники Института этнографии выезжали во все три Прибалтийские республики для инструктирования участников экспедиции. В Риге на совещании латвийских этнографов были прочитаны следующие доклады: начальником экспедиции доктором исторических наук Н. Н. Чебоксаровым. «Об изучении жилища народов Прибалтики», «Задачи антропологических исследований в Прибалтике»; доктором исторических наук П. И. Кушнером «Об этнографическом изучении производственного быта колхозного крестьянства», «Основные принципы сбора этнографических материалов в зоне этнических границ»; кандидатом исторических наук Л. Н. Терентьевой «Опыт монографического изучения колхозного крестьянства Латвии».

В июне 1952 г. в Москве был проведен семинар для членов экспедиции, в котором приняли участие сотрудники республиканских институтов и музеев. Перед этими сотрудниками республиканских институтов побывали уже в намеченных для полевых работ 1952 г. районах. На семинаре они сделали подробные сообщения о специфике выбранных районов, о выработанных маршрутах и объектах стационарного обследования.

* * *

Сбор материалов в Неретском и Акнистском районах Латвийской ССР начат в 1952 г. по существу впервые. Сведения о культуре и быте населения этих районов были крайне скудными.

Участникам латвийского этнографического отряда экспедиции удалось собрать ценный материал, позволяющий сделать некоторые выводы об этногенезе и этнической истории латышей, об их культурных взаимоотношениях с русскими. Не меньше внимания было уделено вопросам изучения преобразований в культуре и быту латышского колхозного крестьянства.

Территорию современных Неретского и Акнистского районов, вместе с прилегающими к ним Яунелгавским, Екабпилским и Илукстским районами, принято называть в этнографической литературе термином «аугшземе» — Верхняя земля² (соседняя территория Литовской ССР носит близкое этому названию «Аукштайтия»). Судя по археологическим и историческим данным (хроники), древним населением этих мест, за исключением б. Гарсенской и Продской волостей, были «сёлы» — одно из балтийских племен, родственное по своей культуре племенам летгола и вошедшее впоследствии в состав латышской народности. Исконным населением Гарсенской и Продской волостей, расположенных вдоль границы с Литвой, были преимущественно литовцы.

Полевые материалы в общем подтвердили существовавшее ранее предположение, что Неретский и Акнистский районы имеют в области культуры много общих черт с Латгалией (восточной Латвией). Однако эти общие черты проявляются у современного населения обоих районов не в одинаковой мере. Всего отчетливее это удалось проследить на материалах жилища. Наиболее старым типом жилого дома на территории обоих районов, как об этом свидетельствуют полевые материалы, была курная изба («думу истаба») с холодными сенями, к которым позднее стали пристраивать третье помещение «камбарс». Дальнейшее развитие жилища на территории названных районов протекало различно, а именно: в Акнистском районе курная изба, как и в Латгалии, превратилась в белую избу с печью типа русской, сени оставались холодными; в Неретском районе получила свое распространение каминная кухня-копильня «мантельскурстенис», сооружавшаяся, как в Земгале и Курземе, в сенях жилого дома. Граница распространения «мантельскурстениса» совпадает примерно с современной границей между Неретским и Акнистским районами, захватывая частично территорию бывших Гарсенской и Продской волостей, и продолжается далее в Литву.

Отличия между Неретским и Акнистским районами имеются также в форме дома, пропорции его отдельных частей, в наружной отделке жилища и его украшениях, в утвари, посуде, в сельскохозяйственных орудиях (типа кос), народной кулнрии и других элементах материальной культуры.

Таким образом, если считать, что древним населением этих мест были сёлы, то можно предполагать, что в процессе дальнейшей этнической истории создалась, повидимому, определенная этническая общность населения современного Неретского района с западными районами Латвии (Земгале), а населения Акнистского района — с восточными (Латгале). Можно предполагать, по некоторым данным, что значительная часть населения территории Акнистского района пополнилась в позднейшее время (примерно в XVII в.) выходцами из Латгалии. Для более достоверного ответа на эти вопросы необходимо привлечь антропологические и археологические материалы, а также провести специальные лингвистические исследования.

² По старому административному делению все эти пять районов составляли территорию двух уездов (Илукстского и Екабпилского).

Большая работа проделана отрядом по определению национального состава современного населения обоих районов. Исследования показали, что, наряду с латышами, составляющими основную массу населения, здесь живет значительное число литовцев и русских, а также небольшой процент поляков. Литовцы сосредоточены преимущественно вдоль границы с Литовской ССР. Они начали переселяться сюда из Литвы примерно с 60—70-х годов XIX в. В настоящее время в большинстве пограничных колхозов литовцы составляют свыше 35% населения. В остальных колхозах литовцев значительно меньше. Это в основном бывшие батраки, пришедшие сюда в годы буржуазной Латвии в поисках заработка. С установлением советской власти они получили по советской реформе землю и в дальнейшем вступили в местные колхозы. В юго-восточной части Акнистского района живет до 20—25% русского населения, главным образом из бывших старообрядцев. Еще больше русских старообрядцев в Илукстском районе и соседних районах Литовской ССР. В остальных сельских советах обоих районов русские, равно как украинцы и белорусы, появились преимущественно после Великой Отечественной войны, число их незначительно (по 4—5 семей в колхозе). Этнографическим отрядом впервые собраны ценные материалы о культурных связях и взаимоотношениях проживающих совместно латышей, литовцев и русских.

Наибольший интерес представляют исследования, проведенные в бывших Гарсенской и Продской волостях. Современное население их по национальному самосознанию, по основным элементам культуры и языку следует считать латышским. Этническое происхождение некоторой части этого населения связано, однако, не с латышами, а с литовцами. Группы литовцев, издавна живущих среди латышского населения, постепенно переняли его язык и обычаи. Существенным фактором, приведшим к такому слиянию, послужили, в частности, смешанные браки. Определенное значение имел также переход литовцев из католицизма в протестантизм. Черты прежнего этнического происхождения жителей этих волостей прослеживаются теперь лишь в отдельных особенностях материальной культуры (орнаменте на одежде, кулинару), а также в фольклоре (наиболее старинные песни — литовские), в некоторых обычаях, преданиях, в географических названиях, фамилиях и именах. Процесс слияния этих групп литовцев с латышами, повидимому, протекал особенно интенсивно в течение последнего столетия. А. Биленштейн, определяя этническую границу латышей и литовцев на 1884 г., отмечал, что в Гарсене и Балтензее (Продская волость) старое поколение говорит еще по-литовски, а среднее и молодое — преимущественно по-латышски³.

Остальное литовское население, живущее на территории Акнистского и Неретского районов, хотя и имеет в материальной культуре много общих черт с латышами, но сохраняет свой язык, обычаи, фольклор.

Изучением местного русского населения в истекшем году латвийский отряд специально не занимался, но проведенные наблюдения свидетельствуют, что оно стойко сохранило в своем быту национальные особенности. Смешанные браки русских старообрядцев с латышами или литовцами представляли собой в прошлом редкое исключение. Однако длительное совместное проживание латышей с русским населением не могло не оказать влияния на материальную культуру обоих народов. У латышей Акнистского района это проявляется, в частности, в архитектуре жилых домов (наличие ставень и резных наличников окон, украшений на фронтонах и т. д.); у русских — в форме некоторых сельскохозяйственных орудий, в орнаменте тканей и вязанных изделий.

Значительный интерес представляют материалы по поселениям и жилищу. Помимо проблемы этногенеза, они проливают свет на совершенно неисследованные ранее в латышской этнографии вопросы, в частности на вопрос о бытовании в Латвии в прошлом сельской общины и большой семьи. Собранные материалы еще раз разоблачают изобретенную буржуазными националистами легенду о том, будто латыши, в отличие от своих соседей — русских, никогда не имели общинного землепользования и испокон веков жили хуторами. Материалы по поселениям и жилищу обнажают также суровую правду об истинном положении латышского трудового крестьянства в годы буржуазной Латвии. Они наносят удар утверждениям буржуазной клики о «прогрессивном» характере буржуазной аграрной реформы, якобы разрешившей аграрный кризис в Латвии, о благополучии и классовом мире в стране. На острое классовое расслоение в латышской деревне, помимо резко выраженных различий в облике хуторов, указывает наличие в прошлом специальных батрацких поселков. Таков был, например, поселок в 15 дворов на территории бывшего Неретского имения, возникший еще в 1901 г., или поселок в 25 дворов в бывшем имении Слате (Акнисте). Карликовые участки земли арендаторов или владельцев в поселках не превышали 1,2 десятины, из которых более половины составляли болотистые луга. Буржуазное правительство Латвии при проведении аграрной реформы не только не ликвидировало эти очаги нищеты, но, наоборот, будучи заинтересовано в создании резервуаров дешевой рабочей силы для кулацких хозяйств, основывало новые батрац-

³ См. А. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volkstammes. СПб., 1892, стр. 6.

кие поселки. Так вырос, в частности, батрацкий поселок «Мочугалс» в б. Калдабрунской волости (Акнисте).

Подавляющее большинство батраков и безземельного крестьянства не имело вообще своего жилья, скиталось по углам, квартируя в банях или в специальных «людских» половинах кулацких жилых домов.

Только с установлением советской власти, с проведением советской земельной реформы и особенно с победой колхозного строя произошли коренные изменения в условиях жизни и быта латышских крестьян.

Экспедицией собран большой материал о новом колхозном строительстве. В Латвии, как и в двух других Прибалтийских республиках, начаты подготовительные работы к переселению колхозников с хуторов в благоустроенные колхозные поселки. Основное внимание в настоящее время уделяется, прежде всего, строительству производственных усадеб колхозов, а также общественных и культурных зданий.

Материалы, касающиеся народной одежды, позволяют восстановить тип народного костюма, бытовавшего ранее на данной территории, характер орнамента и технику изготовления тканей. Они дают также возможность проследить переход населения к одежде городского покроя.

Латвийскому отряду экспедиции удалось охватить маршрутно почти всю территорию обоих районов. Однако основное внимание было все же обращено на изучение населения юго-западной части этих районов, прилегающей к границе Литовской ССР. Исследование социалистических преобразований в хозяйстве и семейном быту колхозников производилось в двух колхозах: в Неретском районе в колхозе «30 лет Октября», в Акнистском районе в колхозе «Накотне».

Значительное место в работе латвийского отряда экспедиции занимало изучение культурного строительства в колхозной деревне, ознакомление с работой сельских домов культуры, колхозных клубов, библиотек, красных уголков, кружков колхозной художественной самодеятельности и сбор материалов по устному народному творчеству, народной музыке и танцу. Среди собранных материалов большой интерес представляют выписки из стенных газет, характеризующие новую жизнь в колхозной деревне.

* * *

Литовский этнографический отряд работал, как уже указывалось, в трех районах северо-восточной Литвы: Рокишском, Пандельском и Обяльском. В прошлом районы эти были частью Рокишского уезда, по новому административному делению они входят в Шяуляйскую область. Выбор для предстоящей работы Пандельского, Рокишского и Обяльского районов объяснялся рядом причин и прежде всего тем, что в плане разрешения проблемы этногенеза и этнической истории литовцев и латышей этнографическое обследование этих районов представляло особый интерес в связи с их расположением на границе с Латвией. Названные районы привлекли внимание участников экспедиции также и потому, что на их территории большой размах имело революционное движение, нашедшее отражение в устном поэтическом творчестве, изучение которого входило в задачи литовского отряда. Кроме того, на территории этих районов живет значительное число русских, и поэтому здесь могли быть собраны интересные материалы о культурных взаимовлияниях и национальных взаимоотношениях литовцев и местного русского населения. Необходимо отметить, что специальное изучение культуры и быта русских Литвы было организовано по инициативе Института этнографии АН СССР впервые в истории этнографической науки.

В Пандельском районе этнографическое обследование литовцев проводилось в колхозах «Сувайнишкис» и «Чедасай», в Рокишском — в колхозе «Швитурис», в Обяльском — в колхозе «Вальстиетис». Необходимые для исследования сведения о русском населении были собраны в деревнях Манеевка (Манейвас), Милюны (Милюны, Милюнас), Гайджгалы, Куки и Скемай (Скемяны).

Направление работы литовского отряда определялось основными задачами Балтийской этнографо-антропологической экспедиции в целом. Исследование культуры и быта литовских колхозников велось путем монографического изучения намеченных объектов, причем каждая отдельная тема закреплялась за одним или несколькими членами отряда.

В результате проделанной работы литовским отрядом собран разнообразный материал, дальнейшая разработка которого будет иметь немаловажное значение для разрешения поставленных проблем. Материал этот позволил литовским этнографам выделить специфические особенности культуры и быта населения северо-восточной Литвы. К таким особенностям относится, например, обработка льняного волокна посредством мочки, тогда как в районах западной Литвы и в Занеманье способ этот не имеет распространения. Участниками экспедиции установлено, что жители территории обследованных районов, особенно Пандельского, еще в XVII в. в большом количестве сбывали лен рижским купцам. Традиционное производство льняного волокна сохраняется здесь и сейчас как одна из отраслей общественного хозяйства колхозов. Основной отраслью сельского хозяйства в Пандельском, Рокишском и Обяльском районах является полеводство, сочетающееся с развитым животноводством.

Интересные сведения собраны о сельских поселениях и жилище. Согласно этим сведениям, до расселения на хутора, проведенного буржуазным правительством Литвы 25—30 лет назад, крестьяне северо-восточной части Литвы жили в небольших деревнях. Каждая деревня насчитывала 10—15 крестьянских дворов. Число однодворных поселений — «виенкиемис» было незначительным. При разбивке селений на хутора часть крестьянских усадеб осталась на месте бывших деревень. Изучая их, литовские этнографы установили два основных типа расположения жилого дома и хозяйственных построек в старых селениях. Для первого типа характерно размещение жилого дома и хозяйственных строений на одной стороне улицы, для второго — возведение дома и клетки на одной ее стороне, а хозяйственных строений на другой. В обоих случаях двор был открытым и по своей форме напоминал букву П. Следует отметить, что некоторые крестьяне придерживались подобной планировки усадьбы и при размещении жилого дома и хозяйственных построек на хуторах.

По сведениям, полученным участниками экспедиции, в колхозах Пандельского, Обяльского и Рокишского районов Литвы идет деятельная подготовка к переселению колхозников с хуторов в поселки. Во всех обследованных колхозах имеются уже проекты будущих селений. Литовские колхозники придают этому переселению огромное значение. Они сознают, что наличие хуторов затрудняет организацию их работы, препятствует правильному, наиболее рациональному использованию земельных массивов, создает бытовые неудобства.

Членами литовского отряда, занимавшимися изучением жилища, отмечено преобладающее употребление дерева в качестве строительного материала, сделаны предварительные выводы относительно развития жилища в северо-восточной Литве. На этой территории имеются дома, построенные в первой половине XIX в. Они состоят из трех, обычно равных частей: жилой половины с русской печью, сеней и кладовой. В своей внутренней планировке дома эти обнаруживают поразительное сходство с белорусской хатой. На границе с Латвийской ССР, в колхозе «Сувайнишкис», в сенях некоторых домов такого типа имеются каминные, подобные каминам жемайтйского жилища и жилища западной части Латвии, но меньшие по размерам. Каминные эти, в отличие от жемайтйских и латвийских, предназначались только для копчения мяса. Отсутствие каминных в старых постройках Обяльского и Рокишского районов дает основание предположить, что территория Пандельского района, где находится колхоз «Сувайнишкис», является стыком распространения жемайтйского и аукштайтйского типов жилого дома.

В процессе дальнейшего развития простейшего типа трехкамерного дома кладовая нередко превращалась в комнату для гостей, а жилое помещение делилось перегородками на несколько частей. На развитие жилища накладывало отпечаток расхождение крестьянства, начавшееся с проникновением капитализма в литовскую деревню. Так, в отличие от бедняков и середняков, кулаки строили большие дома с несколькими комнатами, среди которых обычно имелось помещение для батраков, так называемый «конец челяди».

Особое внимание было уделено участниками экспедиции изучению народной одежды. Тщательно фиксировались элементы старинного народного костюма, его комплексы восстанавливались по воспоминаниям пожилых колхозников. В народной одежде литовцев, так же как и в жилище, было обнаружено много таких черт, которые могут служить одним из доказательств постоянного культурного общения литовцев с латышами и белорусами: распространение, например, однотипного женского головного убора («наметем» по-латышски, «нуомятай» по-литовски, «наметка», «намитка» по-белорусски), полосатых юбок и т. д. В Пандельском, Рокишском и Обяльском районах Литвы до сих пор еще довольно часто верхняя одежда колхозников, по покрою не отличающаяся от городской, изготавливается из домотканной шерстяной или полушерстяной материи. Трудоемкие процессы приготовления пряжи и собственно тканья отнимают у колхозниц много времени, которое они могли бы использовать для повышения своего образования или для культурного отдыха. Если учесть все то время, которое уходит на обработку шерсти и тканье домашним способом, и принять во внимание, что домотканная материя по своему качеству намного уступает фабричной, станет ясной нецелесообразность домашнего ткачества. Нет сомнения, что в ближайшее время этот пережиток домашнего производства исчезнет из быта литовской колхозной семьи.

Во время полевых исследований 1952 г. много нового и интересного было записано по литовской народной кулинарии, обнаруживающей целый ряд специфических особенностей.

Многочисленные записи и богатый иллюстративный материал экспедиции, собранный в северо-восточных районах Литвы, свидетельствуют о своеобразии, оригинальности национальной формы народного искусства литовских колхозников (вязанье, вышивка, плетение и тканье поясов, резьба и т. д.). Значительное место в работе литовского этнографического отряда занимал сбор произведений устного поэтического творчества, запись мелодий народных песен.

Обстоятельное изучение семейного быта выявило те изменения, которые произошли в нем после установления советской власти, после успешного завершения коллективизации. Над вступающими в брак не довлеют теперь экономические расчеты их родителей. Исчез распространенный в прошлом «пасог» — приданое в виде сель-

скохозяйственных орудий и скота, в случае отсутствия которого девушка вынуждена была коротать свой век в семье брата в качестве даровой работницы или батрачить всю жизнь на стороне. Равноправным стало положение отдельных членов семьи.

В жизни литовских крестьян произошла подлинная культурная революция. Так, в обследованных литовским отрядом колхозах все дети школьного возраста учатся, многие юноши и девушки из колхозных семей получают специальное среднее и высшее образование. Колхозная молодежь имеет возможность продолжать свое образование в вечерних школах без отрыва от производства. В обследованных колхозах открыты библиотеки и читальни, работают кружки художественной самодеятельности. Большое значение имеют для развития художественной самодеятельности районные праздники песни, на которых отбираются лучшие исполнители для областных и республиканских смотров. На одном из таких праздников песни в районном центре Панделис участникам экспедиции удалось записать небезинтересные сведения относительно народного костюма, исполнения народных песен и танцев.

Как уже отмечалось выше, в 1952 г. в Пандельском, Рокишском и Обяльском районах было положено начало этнографическому изучению русского населения Литвы. Путем наблюдений, а также в результате бесед с русскими и литовцами накоплены некоторые сведения, касающиеся истории переселения русских в Литву, их материального быта, общественной и семейной жизни, взаимоотношений с литовцами в прошлом и в настоящее время. Собранный материал необходимо дополнить архивными и литературными данными, после чего только могут быть сделаны определенные обобщения.

Однако уже и сейчас, на основании только полевого материала, можно утверждать, что число русских на территории северо-восточной Литвы довольно значительно. Так, в Обяльском районе русские составляют около 30% всего населения. На обследованной территории русские живут в поселениях, каждое из которых представляет собой группу близлежащих хуторов, сохранивших общее название бывшей русской деревни (Милюны, Манеевка и др.), или в смешанных литовско-русских хуторских поселениях (например, Скемай и др.). В последних хутора русского населения обычно располагаются по соседству друг с другом. В своем большинстве русские северо-восточных районов Литвы являются потомками старообрядцев, бежавших в XVII — начале XVIII вв., после церковной реформы, из России в Польское государство. Значительно меньшая часть их — православные, предки которых были поселены здесь царским правительством после восстания 1863 г.

От литовцев местное старообрядческое население отличается целым рядом этнических особенностей культуры и быта, терминологией предметов домашнего обихода, частей жилого помещения. В прошлом русское население особенно выделялось иным, чем у литовцев, народным костюмом. В отличие от литовок, русские девушки и женщины еще в конце XIX — начале XX в. носили шубейки (тип сарафана прямого покроя), в церковь нередко надевали косоклинные сарафаны. Мужчины ходили в туникообразных рубахах-косоворотках, которые не были распространены среди литовцев. Такие рубахи многие русские носят и в настоящее время.

Большой интерес представляет сравнение жилища русских и литовцев. При этом сравнении устанавливается, что старый тип жилого дома у них в основном одинаков. Отличительные черты имеются только во внутреннем убранстве, в терминологии. В связи с изучением литовского и русского жилища обследованной территории большое значение приобретает выявление роли русских плотников, каменщиков и печников. Эти профессии были у русских традиционными, переходящими из поколения в поколение. Среди русских и в настоящее время много хороших плотников и печников.

Интересны собранные экспедицией данные об употреблении русскими литовского языка (двуязычие большей части русского населения), а также о степени овладения русским языком литовцами.

Результаты сопоставления этнографических материалов, собранных среди литовцев и местного русского населения, опровергают существовавшее ранее преувеличенное представление относительно исключительной изолированности русских — старообрядцев; эти материалы говорят о постоянном культурном общении русских с литовцами. В то же время полевые материалы свидетельствуют о сохраняющейся самобытности культуры и быта русских Литвы, об особенностях их психического склада.

* * *

В работе эстонского отряда Балтийской экспедиции особое внимание было обращено на выяснение культурных взаимоотношений эстонцев с местным и соседним русским населением. Полевые материалы, собранные в истекшем году, позволяют значительно пополнить уже накопленный коллективом эстонских этнографов материал по этой актуальной проблеме. Районы работ, избранные эстонским отрядом, представляли большой интерес для разрешения поставленных задач. Йыхвиский район Таллинской области расположен вдоль древней границы эстона-русской этнической территории, здесь живет смешанное эстонское и русское население. Вастселинаский район Тартуской области граничит с Латвией и Псковской областью РСФСР, жителями его являются эстонцы и латыши. Последние переселились сюда из Латвии в 70—80-х

годах XIX в., во время начавшегося выкупа крестьянами земли в собственность. В некоторых сельских советах этого района, а также в Печерском и Качановском районах Псковской области РСФСР живут сету — весьма своеобразная этнографическая группа эстонцев, происхождение которой до настоящего времени остается еще не выясненным.

Одно из главных мест в работе эстонского отряда занимало изучение материальной культуры, особенно поселений, жилища и одежды. В Ийхвиском районе Эстонской ССР и в Печерском районе Псковской области РСФСР производилось монографическое обследование эстонцев и сету.

В Ийхвиском районе обследована южная его часть, сельские советы Ийсаку, Ийуча, Вайкла и Катасе, на территории которых имеются в настоящее время 7 колхозов, объединяющих 17 деревень.

Работниками экспедиции собран ценный и разносторонний материал по истории поселений, социальному составу их жителей в прошлом, сняты планы деревень, отдельных наиболее типичных крестьянских дворов, жилых и хозяйственных построек; подробно описаны внутреннее убранство жилищ, мебель и утварь. Значительное место в материалах этой группы эстонского отряда экспедиции занимают данные о социальном переустройстве хозяйства и быта колхозников Ийхвиского района.

Среди жителей Ийхвиского района выделяется особая этнографическая группа, отличающаяся от остального эстонского населения некоторыми особенностями культуры и быта, характерными для русского народа. Эстонские этнографы предполагают, что предками представителей этой группы были русские, воспринявшие в течение длительного проживания среди эстонского населения и тесного общения с ним эстонский язык, лютеранское вероисповедание и основные черты культуры и быта. Вопрос об этническом происхождении этой группы требует дальнейшего детального исследования, однако собранные уже в настоящее время полевые материалы говорят в пользу высказанного предположения. Можно считать установленным, что обиходным языком отмеченной группы 3—4 поколения назад был русский (старикам еще и сейчас говорят между собой по-русски). Эстонский язык, на котором говорит обследованная группа, имеет в словарном запасе много русских слов и заметно отличается по своей фонетике от языка окрестного эстонского населения.

Русские черты прослеживаются в отдельных элементах материальной культуры. Так, например, отряду эстонских этнографов удалось установить, что наиболее старым типом жилого дома в поселениях этой группы была изба с русской печью и холодными сенями, к которым затем была пристроена «рехетуба»⁴, использовавшаяся здесь только как помещение для сушки хлеба. Более поздние постройки уже мало отличаются от эстонских, но в них сохраняются все же отдельные детали, характерные для русских строений. Старинным женским головным убором был повойник; вместо юбок женщины носили сарафаны. Современную юбку и сейчас еще часто называют сарафаном. Мужчины носили рубахи-косоворотки, вышитые крестом, некоторые носят такие рубахи еще и теперь. В пище большое место занимал творог, способ приготовления которого отличался от эстонского. Принято было также делать конопляное молоко, гуцу, печь пироги и готовить другие блюда, незнакомые эстонцам.

В Вастселинаском районе исследования проводились в двух сельских советах: в Параметском — среди эстонского и латышского населения и в Калачовском, где живут только сету. Членами экспедиции, работавшими в этом районе, собраны материалы по одежде и жилищу, а также очень подробные сведения о национальном составе населения этого района.

Изучение показало, что поселения и жилища у эстонцев и сету, живущих на территории одного района, имеют существенные различия. Формой поселения эстонцев Параметского сельсовета являются деревни кучевого плана, со свободным расположением построек внутри двора. Сету живут в деревнях с уличной планировкой; во многих дворах сохранился старый тип планировки с расположением построек в три ряда фронтонами на улицу (посередине жилой дом, по одну сторону через небольшой двор — хлев, по другую клеть). Старинным типом жилого дома эстонцев Параметского сельсовета, как и во всей Эстонии, является «рехетуба». Старый тип жилого дома у сету представлял собой характерное для русского населения жилище, состоящее из избы с русской печью, обращенной устьем к окну, и сеней. Изба делилась на «печной угол», «постельный угол», «иконный угол» и «посудный угол». Работниками эстонского отряда экспедиции собран обширный материал, позволяющий проследить дальнейшее развитие обоих типов домов, а также восстановить старую обстановку и убранство жилья. Значительный материал собран по современному жилищу и его убранству.

Тип народного костюма в Вастселинаском районе также неоднороден. Женский эстонский костюм на территории Параметского сельского совета перестали носить примерно 60—70 лет назад, мужской еще ранее. Сведения о народной одежде собирались этнографами по воспоминаниям местных жителей; они свидетельствуют, что здесь бывал костюм, типичный для южной Эстонии (Вырумаа).

Переселившиеся в Параметс в 70-х годах XIX в. латыши, как и эстонцы, в то время уже не носили народного костюма. Однако в их одежде, по покрою, как и у

⁴ «Рехетуба» — рига, которая в Эстонии использовалась как жилой дом.

эстонских крестьян, близкой к городской, имелись существенные отличия от одежды эстонцев. В современной рабочей и праздничной одежде эстонцев и латышей различий уже нет, за исключением некоторых узоров перчаток.

У сету, живущих в Калачовском сельском совете, женщины еще и теперь носят народный костюм, мужской костюм можно увидеть только на праздниках, во время выступления коллективов художественной самодеятельности.

Большой интерес представляют этнографические материалы, собранные участниками экспедиции в Печерском районе Псковской области РСФСР. В отличие от проводившихся ранее полевых исследований в бывшей «сетумаа», в истекшем году параллельно с сету было подвергнуто всестороннему этнографическому обследованию и русское население, составляющее в Печерском районе свыше 65% общего числа жителей. Исследования устанавливают и здесь большое сходство многих элементов материальной и духовной культуры сету и местного русского населения.

Этнографы Эстонии считают сету эстонцами по происхождению. Этот вопрос требует еще своего дальнейшего выяснения. Во всяком случае несомненно большое сходство сету с окружающим русским населением, которое прослеживается во всех областях их материальной культуры, в обычаях и особенностях быта.

Наряду с монографическим обследованием населения отдельных районов, участниками эстонского отряда производился сбор материалов по теме «Эстонское народное жилище». По этой теме работа велась не только в районах монографического обследования, но также в Райпласком и Тапаском районах Таллинской области.

Собранный материал дает возможность осветить многие неясные вопросы в области истории развития эстонского народного жилища — «рехетуба» (жилой риги), выявить в нем некоторые локальные отличия и проследить влияние русской народной архитектуры на эстонскую.

Эстонским отрядом сделано большое число фотоснимков. Среди этих фотографий имеются целые серии, последовательно демонстрирующие отдельные производственные процессы, внутреннее убранство дома, этапы одевания костюма, например, повязывания головного убора или завязывания пояса и т. д. Последнее представляет особую ценность для музейных работников как руководство при устройстве экспозиций. В составе эстонского отряда был и кинооператор, который зафиксировал отдельные моменты из жизни населения изучаемых районов. Так, например, засняты певческий праздник в Вастселинаском районе и народное гуляние «кирмаш» в Печерском районе.

* * *

Участниками всех трех этнографических отрядов экспедиции проводилась не только разносторонняя научно-исследовательская, но и большая агитационно-пропагандистская работа. За время пребывания в экспедиции этнографами и фольклористами прочитано значительное число докладов для партийно-советского актива, работников культурно-просветительных учреждений и для колхозников на политические, научные и культурно-просветительные темы. Так, членами латышского отряда прочитано 23 доклада, в том числе следующие: «Творчество латышского писателя Андрея Пумпура» (в связи с 50-летием со дня смерти), «Развитие народного искусства в советскую эпоху», «Значение народного творчества для искусства и науки», «Оформление стенных газет» и другие. Членами литовского отряда экспедиции прочитано 20 докладов, в числе их — о международном положении, о великих стройках коммунизма и другие.

Заслуживает внимания опыт Института этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР по проведению выездных научных сессий. В ходе работ экспедиции были проведены две такие сессии — одна в Нерете, другая в Акнисте. В порядке дня сессий были заслушаны доклады на общетеоретические темы, связанные с проблемами этнографии и фольклора, а также сообщения участников экспедиции о предварительных итогах полевых исследований и информации работников соответствующих отделов райисполкомов о состоянии культурно-просветительной работы в районах. В программу сессии (вторым отделением) входили концерты художественной самодеятельности коллективов колхозных и сельских клубов, а также отдельных исполнителей народных песен и танцев. Многие из исполнителей были выявлены экспедицией и выступали впервые. К открытию сессий были организованы выставки по народному творчеству, где были представлены различные образцы узорного ткачества и вязаные изделия, вышивки, гончарные изделия, резьба по дереву и другие. Все эти предметы были собраны работниками экспедиции от местного сельского населения.

Сессии проводились в районных Домах культуры, на них присутствовало в Нерете 500 человек, в Акнисте 400 (предел вместимости зала). В числе присутствующих было много представителей партийного и советского актива районов во главе с секретарями райкомов и председателями райисполкомов, учителя, работники сельсоветских и колхозных клубов и библиотек, колхозники, школьники старших классов. Проведение сессий способствовало усилению культурной работы в районах, повысило интерес населения к проведенным экспедицией исследованиям, значительно способствовало успешному осуществлению стоящих перед ней задач.

Ход работ экспедиции систематически освещался в республиканских и особенно в местных газетах, причем авторами статей и заметок являлись как сотрудники экспедиции, так и местные районные работники.

Завершением работы экспедиции 1952 г. явятся отчетные сессии в республиках, а также общая отчетная сессия, проведение которой намечено на февраль 1953 г.

Л. Терентьева, О. Ганцкая

ВТОРАЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЭТНОГРАФОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

22 июля 1952 г. Национальное собрание Чехословацкой Республики приняло закон об организации Чехословацкой академии наук. Существовавшая до сих пор Чешская академия наук и искусств являлась только чешской организацией, в которой концентрировалась научная жизнь чешских областей; в свою очередь Словацкая академия наук и искусств являлась научным центром Словакии. 17 ноября состоялось открытие Чехословацкой академии наук.

Организация единого научного центра в стране внесет плановость в научную работу, послужит залогом ее дальнейшего успешного развития.

«Правда», сообщая об открытии академии, писала: «Открытие Академии наук означает, что впервые в истории страны научные силы чешского и словацкого народов объединяются в едином общегосударственном научном учреждении. Исчезает организационная и идейная разобщенность деятелей науки, создается единая Чехословацкая академия наук — крупный центр творческой научной мысли страны»¹. Президент республики К. Готвальд, останавливаясь на одном из важнейших вопросов Чехословакии сегодняшнего дня — подготовке кадров, писал: «Народному государству, которое хочет ускорить развитие страны, которое хочет быстро и планомерно поднять ее экономический и культурный уровень, потребуются высококвалифицированные кадры интеллигенции во всех областях»².

При институтах Академии наук будет создана аспирантура, которая и явится таким центром по подготовке научных кадров по всем отраслям знаний в народно-демократической Чехословакии.

Принятию закона о создании Чехословацкой академии наук предшествовала большая подготовительная работа в отдельных научных учреждениях.

6—7 апреля 1952 г. в помещении Чешской академии наук по инициативе Государственной комиссии по организации Чехословацкой академии наук была созвана вторая Общегосударственная конференция этнографов Чехии, Моравии, Словакии.

Конференция констатировала значительный идеологический рост этнографической науки за три года, прошедшие с момента работы первой конференции. За истекший период передовая часть чехословацких этнографов, успешно ведя борьбу с реакционными буржуазными направлениями в своей среде за внедрение передовых достижений советской этнографической науки, добилась того, что марксистское мировоззрение стало господствующим среди чехословацких этнографов.

Перед участниками конференции встала задача наметить дальнейшие пути работы чехословацких этнографов в условиях будущей Академии наук. На конференции были заслушаны доклады вице-президента Государственной комиссии по организации Чехословацкой академии Ярослава Бема о задачах и возможностях развития чехословацкой этнографии, Отакара Нагодилы о борьбе с космополитизмом и очередных задачах чехословацкой этнографии, Андрея Мелихершка об основных задачах современной фольклористики. Последний в своем докладе указал на борьбу с буржуазными направлениями в фольклористике как на одну из важнейших предстоящих задач. Я. Крамаржек посвятил свое сообщение проблеме изучения быта современной чешской и словацкой деревни, задавая задачу борьбы этнографов с вредными пережитками прошлого в современном быту. Конференция, подводя итоги развития этнографической науки в стране за 1949—1951 гг., констатировала, что чехословацкие «этнографы в основной своей массе уже порвали со старым буржуазным понятием этнографии, и марксистско-ленинское мировоззрение стало основой их научной работы»³.

Участники конференции приняли резолюцию, в которой наметили ряд конкретных организационных задач.

Согласно резолюции в составе будущей Академии должна быть создана Этнографическая комиссия с кабинетом в Праге и его филиалом в Брно со следующими четырьмя отделениями: 1) Теория и история этнографической науки; общая этнография; 2) Чешская и словацкая этнография; 3) Фольклор; 4) Документация и библиография.

Во вновь организованное отделение должны быть переданы фонды Института по изучению народной песни, часть архивных и фондовых материалов Чехословацкого

¹ «Правда», 18.XI.1952 г.

² «Rudé právo», 28.VII.1952, № 196.

³ «Český lid», 1952, № 1—2, стр. 1.